

ИЮНЬ

15

СРЕДА

1938 год

№ 33 (740)

Цена 30 коп.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской

ОРГАН
ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

ОТЗЫВ СОВРЕМЕННОГО

В 1934 году в Москве умер крупнейший врач-общественник Петр Иванович Куркин, обаятельный человек, друг А. П. Чехова, которого он чрезвычайно ценил и любил. Есть основание предполагать, что Чехов наделил некоторыми чертами П. И. Куркина одного из самых близких своему душевному миру персонажей — доктора Астрова из «Дяди Вани». И не случайно во втором акте этой пьесы, в знаменитом монологе об оскудении природы, Астров демонстрирует картограмму, составленную доктором Куркиным! В январе 1902 года в письме к О. Л. Книппер Чехов писал о Куркине: «Он очень хороший человек, давний мой приятель; и он несравненно больше, чем кажется».

В декабре 1902 года, когда Чехов, оторванный болезнью от Москвы, томился в Ялте, он получил от П. И. Куркина письмо, в котором его приятель делился с ним впечатлением от первого спектакля «На дне». Чехов был очень сдержанный на восторженные похвалы человек, но в данном случае его отзыв о письме приятеля нельзя назвать иначе, как именно востор-

женным. Вот что, например, писал он по этому поводу жене — О. Л. Книппер:

«Я получил очень хорошее письмо от Куркина насчет горьковской пьесы, такое хорошее, что думаю послать копию А. М. Из всего того, что я читал о пьесе, это лучшее. Сплошной восторг конечно и много любопытных замечаний». И действительно, несмотря на то, что Чехов чувствовал себя в те дни особенно плохо, он позаботился снять копию с письма Куркина и послал ее Горькому, которому при этом писал:

«Дорогой мой, милый Алексей Максимович, посылаю Вам копию с письма, которое прислал мне один мой приятель, умный и очень хороший человек. Переписывал не я, так как мне нездоровится».

Несмотря на столь авторитетное мнение об этом отзыве, он до сих пор нигде еще не был опубликован. Этот отзыв представляет значительный интерес и для уяснения истории горьковской драматургии и для биографии Чехова. Отзыв врача П. И. Куркина печатаем полностью.

А. ДЕРМАН

19 декабря 1902.

Милый Антон Павлович! Хочется написать Вам о вчерашнем спектакле в «Художественном театре», но принимаюсь за это без уверенности в том, что мне удастся ясно изложить то, что хотелось бы. Причина этого, я думаю, в чрезвычайной сложности вынесенных впечатлений и в их необычности. При таком характере пьесы, с нею не удалось познакомиться раньше, и это еще более затрудняет теперь разобратся во впечатлениях. Во всяком случае могу сказать, что пьеса захватила самым живым интересом весь театр почти с самого первого момента, когда из окутавшего нас мрака мы взгляделись в сцену и дали себе отчет в том, что там происходит. И этот живой интерес не только не ослабевал ни на одно мгновение, но рос все более и более с развитием действия. Нервное напряжение чувствительно объединяло всю толпу зрителей — как одно целое. Это сказалось уже в первом антракте, когда в первый раз закрылся занавес. Настроение восторга охватило толпу; во втором антракте это настроение усилилось, но стало более привычным; эффект 3-го действия (свалка с убийством) был таков, что почти вся публика до ½ антракта оставалась неподвижно на своих местах. Эта наивысшая степень нервного напряжения публики держится вплоть до того момента, когда в последнем действии золоторотец-шулер (Станиславский) начинает раз'яснять мирозерцание старика-странника (Москвина), уже ушедшего. Таким образом по силе и энергии впечатления на публику 1-го представления эту пьесу на данной сцене, я думаю, без преувеличения можно назвать прямо потрясающею. Затем, если остановиться на качественной стороне получаемых впечатлений, на первом месте, мне кажется, нужно поставить изображение, так сказать, звериной стороны существования этих людей. Все это живет, дышит жизненною правдою и покоряет зрителя талантом как художника, создавшего это произведение, так и художника, поставившего его на сцене. Однако эта сторона более проста, чем элементы духовной жизни тех же людей, которые даются в той же пьесе и заключают в себе, может быть, ее главное содержание и суть. Вот здесь разобратся для меня всего труднее; вероятно, это зависит от незнакомства с пьесой и недостаточного ее усвоения за

один раз. Все-таки некоторые ноты настолько звучат громко и отчетливо, что их нельзя не расслышать с первого же раза и при не особенно остром слухе. Таково заявление «прав человека», которое слышится в горячих репликах шулера, пренебрежительных протестах и вызовах к обществу; оно же проникает мирозерцание доброго гения пьесы — странника и выражается им в формуле «человека надо уважать»; таков протест против мещанской «сытости» и, в особенности, против господствующего социального строя и проникающей его несправедливости. Судьба «вора», отец которого был «вором»; рассказ о «стране праведной», проклятие, произносимое Клецом «правде», и многие другие места пьесы, продиктованные протестующим чувством автора в защиту угнетенной и обиженой части человеческой массы, — эта сторона пьесы затрагивает социальное мирозерцание публики. В этом смысле она исполняет известную воспитательную роль. Лично я думаю, что если только предусмотрительное начальство еще более не обрежет некоторые места пьесы, то при теперешнем настроении нашего общества, когда производится по всему строю общественных элементов «переоценка ценностей», новая пьеса сослужит великую службу именно в поддержании, работе и развитии этого протестующего и анализирующего общественного духа. Такая заслуга писателя велика перед современным обществом. Нужно пожелать ему сил для дальнейшей работы.

В общем, кажется, в этой пьесе нет ни одной сцены, которая не блестела бы талантом автора. Впрочем, я отождествляю в этом случае автора с исполнителями. Постановка и игра сливаются с (талантом) творчеством автора в такое химически тесное соединение, что нельзя сказать, где кончается одно и начинается другое. Я не читал еще ни одного отзыва об этом спектакле в газетах и с интересом жду случая проверить свое впечатление. Не сомневаюсь во всяком случае, что многие разделят мое впечатление от этой пьесы (как) на сцене «Художеств. театра» — как от высшего художественного произведения, которое будет иметь большое значение в гражданском воспитании нашего общества. Ну, до свидания, милый Антон Павлович; желаю Вам всего самого доброго в наступающем Новом году.

Весь Ваш П. Куркин